12 Литгостиная

Книжная полка

Соль, синева, серебро...

Читателям Натальи Карпичевой открывается многомерное пространство высокой поэзии

Справка «ММ»

Наталья Карпичева – поэт, прозаик, литературовед, член Союза российских писателей, дипломант литературного конкурса имени К. М. Нефедьева. Родилась 11 февраля 1982 года в посёлке Бреды Челябинской области. Живёт в Магнитогорске.

Выпускница филологического факультета Магнитогорского государственного университета, кандидат филологических наук. Работала доцентом кафедры литературы XX века МаГУ. В 2016 году вместе с Игорем Гончаровым создала и возглавила центр визуальной культуры «Век» при объединении городских библиотек Магнитогорска.

Творчество Натальи Карпичевой связывают с Уральской поэтической школой. Она автор семи поэтических книг: 2004 – «Разговор с рассветом» (12+), 2005 – «Зима понарошку...» (12+), 2007 – «По чёрной лестнице из красного угла...» (12+) в серии «Литература Магнитки. Избранное», 2011 – «...когда я была большой» (12+), 2013 – «Кукла Бога» (12+), 2017 – «Книга рыб» (12+), 2020 – «Этюды и ноктюрны» (12+).

В последний день декабря увидела свет книга стихов Натальи Карпичевой «Этюды и ноктюрны» (12+). Большинство текстов датированы весной-летом затворнического, душного, депрессивного, драматичного для многих из нас коронавирусного 2020 года. Для Натальи он стал временем разговора с собой и миром на языке образов.

Магнитогорский металл

Язык этот для неё, поэта божьей милостью, - не только слова. Название «Этюды и ноктюрны» - из области скорее музыки и живописи, чем литературы, - более чем оправданно. Застывшая на мгновение – пока стихотворение перед глазами читателя – живая звучащая картинка, где части речи оборачиваются тайной, сокровенной стороной. Поэтические находки Карпичевой хочется перебирать, как яшмовую гальку у линии прибоя. «Перпетуум-бумеранг», «ночьв-ночь», «полным-луна», «минус три утра», «фантомная соль»... Не ради игры в слова - но во имя постижения тайны междусловья. О чём спросить у Бога, когда мир меняет своё обличье, что сказать о Вода – один из ключевых образов в поэзии Натали Карпичевой – и в этой книге становится многоликой стихией, из которой соткана Вселенная. Звон дождя, снежная тишина, гул океана. Стоит единожды услышать, как Наташа читает стихи – с такими точными, единственно возможными интонациями, – и они навсегда зазвучат внутри тебя её прозрачным «русалочьим» голосом.

вторник

9 февраля 2021 года

Погружаясь в книгу Карпичевой, вижу: тоненькая, хрупкая девочка стоит над пропастью, заговаривая бездну... Описывать словами магию – занятие бесполезное. Скажу о другом: пронзительная лиричность, глубина философской мысли, оригинальность образов, сквозные сюжетные линии – всё это побуждает читателей возвращаться к «Этюдам и ноктюрнам» Натальи Карпичевой, открывая в них новые смыслы, связи, символы.

Что ярче всего запомнилось, когда я перевернула последнюю страницу? Соль, синева, серебро... и – Наташин «ангел-юниор», который хранит девочку у обрыва.

🖄 Елена Лещинская

Поэзия

Д Наталья Карпичева

душе престранно на карандаше. за что-то же засчитано душе покоем сиволапым и лилейным. и время как пространство – нелинейно.

но перед тем, как лопнет тишина, из каждого неспящего окна все кошки дома смотрят равногрустно. не всё течёт, особенно из русла.

стоячий воздух образует пруд, пока не образумят, не сотрут с солёной кожи водяные знаки. и ничего по-прежнему. инакость.

теплее

теплее. но тлеть и светиться в горсти у Бога, в его обожжённых ладонях расти и трогать – сгоревшие облака – раздувать и теплить, – такие подвижные игры на свежем пепле.

теплее. но вся эта склонность к антициклону – случайность, засим, отмечен и поцелован, ты замер, печаль остывает на бэк-закате. то чувство, когда начинаешь дышать стаккато.

теплее. но кропнутый мир выйдет из-за кадра. неделя, декада... и тени на дебаркадер протянутся. сквозь ветерки проступает дрожью очищенное учащённое время божье.

пауза

между сухой грозой и слепым дождём взвешен и найден лёгким, и день долой, бьётся воображаемое стекло, тает сложносочинённый дом.

призрак отца – единственный, кто носил тело, – довольно небрежно, но в этом оркестре непредумышленном – он низких частот басист.

мастер сердечных дел, перешедши в ткань, стал ли ты тише, мальчик для бытия, бросил с хорея перелетать на ямб, как буадюваля на цветок с цветка?

«Печаль остывает на бэк-закате...»

или в ответе, раз-два и навсегда, если заводишь сердце, чем ты любил. Кто-то сквозь пробки несёт реанимобиль

дышать

дышать. как плыть, размеренно и денно. поверь, какая-никакая мука – смотреть в глаза по краешку рожденья то ангелу, то первой зимней мухе.

но будет стыть на диапозитиве. дышать. и это тоже умиранье. какая б муха вас ни посетила на этой грани и за этой гранью.

но за приостановкой откровенья любой, как первый встречный, любодорог. дроблёный свет назначен внутривенно, и что ни Бог, то реаниматолог

в глазах напротив утреннего цвета. как пыль в луче предсказочно роится, который Бог уже зовёт к ответу, как в дежавю, в чужие дни сторицей.

окрашивая верх многоэтажек (раз дело не в количестве бемолей), лежать в лучах любви его, всё так же, как и лежать в песке при виде моря

в столь непристойно первозданном виде. и третий – вышний (и нас было трое). и Бог, который мухи не обидел, в её глазах не выглядел героем.

анонимно

(в порядке бреда)

чтобы не карта висельника и не закат Макондо, едет душа на выселки в сером и незаконно.

если луна, то кратеры, левый и правый почерки, как адреса обратные для двуполярной почты.

чтобы расти из нежити в свете уведомлений редкому зверю нежности в том, что он зверь последний.

малою алой книжицей, за обшлага и мимо, что-то такое нижется именно анонимно.

в порядке бреда

а проснёшься, и хочется спать, помнить музыку и кислород. говорили про полураспад, передёргивали на таро.

помяни его к ясной воде, проплывут золотые сомы, образуя идей и людей, увязуя блуждающий смысл.

не смотреть, не играть в витражи, и уже ни за что без божбы. это ж надо, чтоб пережить, перепомнить и перезабыть

всё-превсё. сам себе лазарет. перепомни и пораскинь, одинаковый, в сущности, бред – берега обоюдной тоски.

у тоски обнаружены все преимущества сорной травы. погрузиться. задраить отсек. ты не он. я не ты. мы на Вы.

пиши — не пиши

(этюд)

а потом всё пиши пропало, до адресата долетает листва по осени без числа. только ты зависаешь с чувством аэростата между рёбрами, долго молчишь – дотла.

из воскресений, как по Брайлю играют пьесы из золотых. и твой острый почерк, впрямь или вкривь осенний, как прощание без прощенья, как дар под дых.

дети памяти лепят свечи

доктор кто? больно где? заложило уши. восходящее эхо ливневым льдом глушить. и намоленный воздух всё ниже, реже, уже. до востребования. до смерти.

снег как снег

ну а пока любуешься, осень сойдёт к весне. чувство его хрустальное, тонкое, хоть разбей, снег-невидимка, пусть тебе кажется, снег как снег. а это тебе – тебе.

снег как его предчувствие знать, как его дышать, кубиками, ладонями, по ширине зрачка, смыслами его, танцами, чётными антраша, слыть, пробавляться, пробовать, числиться, снег пока

то безнадёжно теплится, то норовит остыть, то в высоту срывается вовсе по-птичьему. крылья его покажутся свежими, как холсты, в рамках домашней вечности, а впрочем, оно к чему...

в край, где зашито белыми, белое – горячо, коли уже отвёл, то лучше не приведи. утро по краю плавится и по глазам течёт

жить-то как хочется, гос-по-ди.

побег дождя

(ноктюрн)

как полным-луна, но всего лишь вода о ней, обречённая стечь обманчивым чувством брода, ты – побег дождя, прорастающий сквозь корней полутёмного каменеющего кислорода.

как исход чернил, наливание наливных, свет прогнозов на урожай не горит, не брезжит, мы приходим на берег врозь, а в дожде равны – соль тростник о былом, годовалый камыш прибрежный.

свежим облачным соком в гранёном стекле Его оживаем условной памятью ледохода в мир, что стар как стар, а присмотришься – нулевой –

в ожидании сезона фотоохоты.

приглядишься – и редкой дальности поводырь прикреплён по дружбе, как бы ни показалось, что спонтанен побег дождя, как побег воды с трёх причалов твоих и двух аэровокзалов.

прежде чем

так и держи реки в тепле, море держи в уме. списка гостей не дочитав после имени смерть... первый ожог на молоке – это ещё не всё. пенку сними, пепел стряхни, ангел тебя несёт.

закороти после нуля или подорожи... комкая ткань, картами вин, руслами зимних жил, мелочью льда не просчитать крупный лёд кусковой. если же ты про вертикаль, то с нулевой лихвой.

так не растут – от магнитуд и до температур – струнная дрожь, как тишина, как ветер увертюр. что же ещё нас не убъёт? горек сон золотой, – прежде чем пе-ревесновать, сделай ещё глоток.

бог назад

(ноктюрн)

хороши же розы, но предавать... на любом языке, а на вкус – ноктюрн, или, лжесвидетельство воровства, весь ваш вальс расписан на полутур...

бог назад нас не было не совсем. а теперь попробуй да и забудь, как скрипит дворовая карусель, как разрезан первый в году арбуз,

как возьмутся с вечера провожать. слишком воспоминаний на одного. оглянулся вдохнуть, а душа свежа, схолодна затоплена синевой.

и когда она тебя позовёт на двоих одним закрывать сезон, только сердце пойдёт и дождь вот-вот

на заре конденсации, или сон.